

ДОПОЛНЕНИЕ КЪ ЗАПИСКАМЪ А. Д. БЕСТУЖЕВА-РЮМИНА.

Записки А. Д. Бестужева-Рюмина помѣщены (почти полвѣка тому назадъ) въ первой книгѣ Чтеній Общества Исторіи и Древностей при Московскомъ Университетѣ, куда были доставлены В. И. Чарыковымъ и П. И. Ивановымъ (однимъ изъ преемниковъ Бестужева по храненію вотчинныхъ дѣлъ, нынѣ Архива Министерства Юстиціи что на Дѣвичьемъ полѣ). За тѣмъ, они перепечатаны въ 7-мъ выпускѣ „Русскаго Архива“ 1896 года. Нынѣ помѣщаемъ ихъ съ примѣчаніями по списку, доставленному намъ отъ неизвѣстнаго лица, но собственноручному, какъ показываютъ нижеслѣдующія два своеручныя письма Бестужева къ его пріятелю, и копии съ его прошеній къ императору Александру Павловичу и къ великому князю Константину Павловичу.

Не знаемъ, облегчилась ли его участь въ первые годы по изгнаніи изъ Россіи Французомъ; но самъ онъ возбуждаетъ нѣкоторое недовѣріе къ его показаніямъ: Наполеону хулить онъ своихъ товарищей по службѣ, отзывается легкомысленно о графѣ Растопчинѣ, который призрѣлъ его тотчасъ же, какъ возвратился въ Москву; а главное, вызываетъ къ себѣ безопадное отношеніе тогдашняго министра юстиціи И. И. Дмитріева, человѣка хотя и не отличавшагося мягкостью нрава, но правдиваго. Что-то загадочное чувствуется при чтеніи Записокъ Бестужева; но историческая важность ихъ несомнѣнна. П. Б.

Письма А. Д. Бестужева-Рюмина къ Д. Ѳ. Шумилину.

1.

Москва, 22 Мая 1813 года.

Милостивый государь Дмитрій Ѳедоровичь!

Съ какою радостью получилъ я письмо твое отъ 10 числа нынѣшняго мѣсяца. Препокорнѣйше благодарю за оное и болѣе еще благодарю за сохраненіе ко мнѣ пріязни твоей. Я большую цѣну даю оной, такъ какъ честно человѣка, каковымъ я всегда тебя зналъ. Я рекомендую тебѣ вручителя сего. Г-нъ Игнатій Николаевичъ Познанскій мой искренній пріятель и по достоинствамъ своимъ заслуживаетъ истинное уваженіе, имѣеть дѣло въ вашемъ городѣ и если можешь чѣмъ ему полезенъ быть, то пожалуй не откажи своего ходатайства.

Такъ, ты правъ, мой старинный пріятель. Я ни въ чемъ невиновать и Богомъ клянусь, что жертвовалъ всѣмъ, чтобъ быть полезнымъ отечеству, но неблагопріятствующая мнѣ судьба опредѣлила такое мое усердіе собственно для меня во зло. Что дѣлать? Терпѣніе все превозможетъ. Извини, что я тебѣ не посылаю моихъ Записокъ¹⁾ пребыванію непріятеля въ первопрестольномъ градѣ, ибо право не должно; но вскорѣ пришлю все, что можетъ касаться и до усилій моихъ къ сохраненію дѣлъ, надзору моему вѣранныхъ, а равно и о усиліяхъ моихъ оправданій предъ такими людьми, кои, если судить по ихъ дѣяніямъ, и десятой доли бы не сдѣлали въ пользу отечества. Рано или поздно Богъ ихъ накажетъ.

Я съ большимъ нетерпѣніемъ ожидать буду отъ тебя увѣдомленія, какихъ мыслей губернаторъ вашъ касательно рапорта моего министру юстиціи. Я хотѣлъ самъ было къ нему написать, но разсудилъ лучше побочнымъ образомъ до свѣдѣнія его довести. Пословицы Русскія, почтеннѣйшій мой пріятель, какъ ты и самъ знаешь, всѣ почти справедливы. Прощай, мой любезнѣйшій; у Настасьи Ивановнѣ цѣлую ручки и благодарю, что меня помнить.

Съ истинною преданностію пребываю покорнѣйшій слуга А. Бестужевъ-Рюминъ.

Адресъ ко мнѣ тотъ же. На Петровкѣ, въ домѣ Дурнова въ Москвѣ²⁾.

2.

Москва, 24 Октября 1813.

На письмо твое, любезный мой другъ Дмитрій Ѳеодоровичъ отъ 30 Августа и полученное мною въ свое время, я не отвѣтствовалъ, потому что по мнѣнію моему оно не требовало отвѣту, ибо ты о сынѣ своемъ имѣлъ уже извѣстіе, а я раза три ходилъ опять въ извѣстной тебѣ на бульварѣ домъ и ничего другаго объ сынѣ твоемъ узнать не могъ, какъ только что онъ здоровъ и отправился въ Минскъ. Я надѣюсь, что ты регулярно имѣешь отъ его извѣстіе; и да сохранить его Всевышняя десница!

Пріятель мой Игнатій Николаевичъ Познанскій паки отправляется въ вашъ городъ по своимъ надобностямъ, и я при семъ случаѣ прошу твоего ему покровительства или, такъ сказать, путеводительства въ его дѣлахъ. Онъ человекъ очень хорошій и умный, слѣдовательно будетъ въ полной мѣрѣ чувствовать твои одолженія, а я пріиму оныя какъ будто оказанныя мнѣ самому.

Я знаю, что ты меня любишь, а потому и скажу тебѣ нѣчто и о себѣ. Я, слава Богу, здоровъ, но касательно разрѣшенія участи моей нахожусь еще

¹⁾ И такъ Записки черезъ полгода по удаленіи Французовъ изъ Россіи уже были написаны. Д. О. Шумиловъ получилъ ихъ отъ него въ своеручномъ спискѣ, по которому онѣ и перепечатаны въ 5-мъ выпускѣ „Русскаго Архива“ нынѣшняго года. П. В.

²⁾ Сложено конвертомъ, запечатано и подписано такъ: „Его высокоблагородію, милостивому государю моему Дмитрію Ѳеодоровичу Шумилову, во Владимирѣ. Губернскаго Правленія господину совѣтнику“. П. В.

въ безизвѣстности. Недѣли двѣ тому назадъ потребовали отъ меня въ Правительствующій Сенатъ, что въ Петербургѣ, формулярной мой списокъ, которой я уже и послалъ. Уповательно, что дѣло наше къ концу приходитъ, и какая развязка оному будетъ, не знаю.

Въ отвѣтъ на послѣднее письмо мое къ г. министру юстиціи Ивану Ивановичу Дмитріеву, съ котораго я тебѣ послалъ копію при письмѣ моемъ отъ 16 Іюля, мнѣ объявлено чрезъ Московскую Управу Благочинія 3-го Сентября, чтобъ я впередъ въ отношеніяхъ моихъ съ начальствомъ былъ осторожнѣе въ своихъ выраженіяхъ и наблюдалъ должное почтеніе. А въ чемъ преступленіе мое состоитъ, объ ономъ ничего не сказано. Г. министр юстиціи въ Москвѣ находится съ послѣднихъ числъ Іюля, и я съ нимъ не видался. Однажды вздумалъ было къ нему придти, и по докладѣ обо мнѣ онъ сказалъ, чтобъ я въ другое время пришелъ, а теперь онъ занимается съ архитекторомъ разсматриваніемъ плана купленнаго имъ дома. И такъ я болѣе уже и не домогался видѣть его. Богу угодно дать мнѣ такой жребій существованія, и я безропотно покоряюсь святой Его волѣ. Нищета, въ которой я нахожусь, мнѣ не постыдна, и всякой честный человѣкъ уважитъ бѣдность мою; ибо я всѣмъ достояніемъ моимъ пожертвовалъ на пользу отечества, и жертвовалъ даже не только своею жизнію, но и жизнію семейства моего. Отецъ можетъ судить о великости усердія моего, и хотя плоды сего усердія видимы, но я терплю уже круглой годъ ужасное истязаніе; а г. Огаревъ, которой сохраненные мною архивы*) приводилъ въ порядокъ и съ одной полки на другую приказалъ переставлять, получилъ въ награду чинъ. И какой же? Оберъ-прокурора Сената 4-го департамента. Дивна дѣла твоя, Господи!

Читая въ вѣдомостяхъ о вспоможеніи, оказанномъ Патриотическимъ Обществомъ потерпѣвшимъ въ Москвѣ раззореніе и видя, что сіе пособіе еще учинено большою частію и богатымъ людямъ, рѣшился отнести къ сему почтеннѣйшему сословію и послалъ письмо на имя Виктора Павловича Кочубея, съ котораго копію при семъ прилагаю; можетъ быть, что нибудь и дадутъ, а мнѣ признаться нужда. Адресъ ко мнѣ перемѣнился и надписывай на конвертѣ такъ: „Въ Москвѣ, между Тверскими и Никитскими воротами въ домѣ Петрова-Соловова, что на бульварѣ“.

3.

Москва, 1 Іюля 1814.

Могу-ль я когда нибудь забыть, что ты первый мой былъ наставникъ по гражданской части? Вспомни, когда я въ 1795 году, прибывъ въ Пензу, не успѣлъ дать и резолюціи на рапортъ солянаго пристава въ продажѣ имъ соли и вырученной за оную денегъ. Такъ, мой почтенный пріятель! Я никогда онаго не забуду. Жаль только, что всѣ мои записки, и кои я хранилъ какъ безцѣнныя для меня сокровища, все пропало. Я всѣмъ пожертвовалъ отечеству, спасъ только дѣла вотчиннаго департамента и за то наказуюсь. Время течеть, и мы

*) Съ Французскаго: les archives.

оба съ тобой состарѣлись, приближаемся къ общей матери нашей сырой землѣ, память только добрыхъ нашихъ дѣлъ останется въ потомствѣ, и то на нѣкоторое только время. Теперь, кажется, я нѣсколько посвободнѣе въ дѣлахъ моихъ, и потому буду отвѣтствовать на письмо твое отъ 27 Февраля.

Я очень радъ, что ты успокоенъ со стороны сына, ибо имѣешь регулярную съ нимъ переписку, и уповательно, что будешь имѣть скоро и родительское утѣшеніе его видѣть въ объятіяхъ своихъ. Миръ во всей Европѣ. Жаль мнѣ, что я не знаю твоего сына лично, ибо не имѣлъ удовольствія его видѣть въ проѣздѣ чрезъ Москву. Г. министръ юстиціи Дмитріевъ, въ бытность его въ отпуску, жилъ въ Москвѣ около четырехъ мѣсяцевъ; онъ невидимъ былъ для дѣлъ службы, но для собственнаго его интереса можно было всякому имѣть въ чертоги его доступъ. Боже праведный! Для чего Ты помазанникомъ нашимъ при семъ таинствѣ ихъ, нами исповѣдуемомъ, не далъ и дара видѣть сердца подданныхъ своихъ? И всеконечно Д.... никогда бы не былъ министръ юстиціи. Но оставимъ его. Я писалъ къ нему послѣднее уже письмо 18 Іюня и ожидаю отвѣту чрезъ Московскаго губернскаго прокурора или чрезъ полицію; ибо сей министръ до того надмененъ, что не отвѣтствуетъ прямо лицу его утруждавшему. Я при семъ посылаю копію съ письма моего на высочайшее имя, которое я послалъ 25 Іюня подъ конвертомъ на имя государя цесаревича Константина Павловича. Будетъ ли конецъ нашимъ страданіямъ, Богу извѣстно!

Письмо А. Д. Бестужева-Рюмина къ великому князю Константину Павловичу.

Ваше Императорское Высочество!

Простите великодушно, Государь Цесаревичъ, дерзновенію моему, что я осмѣлился въ горестнѣйшихъ моихъ обстоятельствахъ искать высокаго покровительства вашего. Герой, проливавшій кровь за отечество, не можетъ быть равнодушенъ къ безвинно погибающему вѣрному сыну того отечества, которому В. И. В. оказали столь блистательныя услуги.

Нижайшая моя просьба состоитъ въ томъ, чтобъ приложенной при ономъ конвертѣ доставить въ собственныя руки августѣйшаго вашего брата, а моего законнаго Государя. Сей конвертъ подъ открытою печатью, и В. И. В. можете изъ содержанія онаго видѣть, сколь участь моя отягчена, и что одно отчаяніе рѣшило меня васъ беспокоить.

Пребываю съ глубочайшимъ благоговѣніемъ Вашего Импер. Высочес. милостивѣйшаго государя, всенижайшій и преданнѣйшій А. Ф. Надворный совѣтникъ.

Москва, 25 Іюня 1814.

Б. Р.

Письма А. Д. Вестужева-Рюмина къ императору Александру Павловичу.

1.

Всемилоствѣйшій Государь!

Проходя служеніе мое въ продолженіи многихъ лѣтъ всегда по правиламъ чести и истины, не бывъ никогда подъ судомъ, ниже подъ малѣйшимъ взысканіемъ въ упущеніи моихъ должностей, и когда надѣялся, что примѣрное усердіе на пользу Отечества при представшей опасности столицѣ Москвѣ нашествіемъ врага во оную заслужить вниманіе начальства, напротивъ сверхъ чаянія содѣлался жертвою клеветы, неправды и беззаконнаго притѣсненія. Честь и имя мое страдаетъ! Въ такомъ горестномъ положеніи дерзаю повергнуть себя къ Августѣйшимъ стопамъ В. И. В., всеподданнѣйше прошу правосудія и высоко-монаршихъ щедротъ.

Не за долго до вторженія непріятели въ столицу Москву опредѣленъ я вторымъ членомъ присутствія вотчиннаго департамента, и долженъ былъ остаться во власти врага при своей должности; ибо, не имѣлъ ни отъ какого начальства приказанія оставить своего мѣста, а самъ собою нарушить клятву и кинуть въ духъ труса на произволь судьбы важныя дѣла, надзору моему ввѣренныя, не думалъ быть въ правѣ. Я въ полномъ отношеніи исполнилъ долгъ присяги моей, которою обязанъ служить Престолу и Отечеству по правдѣ, не пада живота моего, съ пожертвованіемъ всего имущества, оставя себя съ семействомъ нага и боса, имѣлъ счастье спасти отъ вражяго расхищенія архивы вотчиннаго департамента; съ величайшею же опасностію моей и семейства моего, малолѣтнихъ дѣтей жизни, я сохранилъ жизнь около ста человѣкамъ моихъ соотечественниковъ.

Таковую пламенную и нелицемѣрную приверженность къ Престолу В. И. В. и истинную любовь къ Отечеству люди, удалившіе себя отъ театра ужаса и возвратившіеся въ столицу Москву по изгнаніи уже непріятели, предпочитая собственную пользу пользѣ общей, назвали подвигъ моего усердія: *наклонностію къ сторонѣ врага*; а твердое сохраненіе клятвы, которую сами не сохранили: *измѣною Отечеству*; и я преданъ былъ суду. Мѣсто по службѣ у меня отнято и отдано другому; словомъ сказать, совершены на мнѣ жестокости наказанія именемъ В. И. В., и въ чемъ преступленіе мое, даже не объявлено.

Послѣ трехъ лѣтъ сужденія о преступленіи, котораго дѣйствительно я по сю пору не знаю, Государственный Совѣтъ положеніемъ своимъ заключилъ: *что я невиненъ, разрѣшилъ мнѣ право на службу и даже ношеніе бронзовой медали въ воспоминаніе 1812 года*. Хотя таковое положеніе Государственнаго Совѣта и пріятно сердцу преданному къ отечественнымъ законамъ и къ законному Государю, однакожь безъ воздаянія не удовлетворяетъ ни подвигу моему, ни безвинному претерпѣнію; ибо, пожертвовавъ имуществомъ моимъ на пользу Отечества, остаюсь съ бѣднымъ семействомъ нагъ, босъ и даже безъ надежнаго пропитанія; а находясь безъ службы, благомыслящіе люди должны оставаться въ тѣхъ же мысляхъ обо мнѣ, какіе произведены въ нихъ не благонамѣренными на счетъ поступка моего. И такъ, горекъ плодъ для меня твердое сохраненіе присяги! Но всемилостивѣйшій Государь, не получивъ я награды за подвигъ мой, Государственнымъ Совѣтомъ оправданный, можетъ остановить сыновъ Отечества прямымъ путемъ службы искать себѣ чести; а если еще узнаютъ жестокіе поступки со мною, то даже устрашить оныхъ служить по правдѣ.

Я прошелъ всѣ инстанціи искавъ правосудія, но искалъ напрасно, и отечественное правосудіе теряетъ для меня свою силу. Не ужели, всемилостивѣйшій Государь, въ благополучное и знаменитое царствованіе В. И. В. я, рожденный вѣрноподаннымъ вашимъ, въ нѣдрахъ моего Отечества долженъ оставаться внѣ закона, и безъ преступленія терпѣть страданія отъ клеветы, неправды и притѣсненій; пожертвовавъ на пользу Отечества имуществомъ моимъ, въ нищетѣ съ бѣднымъ семействомъ, стоная, приближаться къ смерти; а чуждые народы, вѣрноподанные всѣхъ Европейскихъ державъ, прославляютъ величіе ваше въ правосудіи, кротости, милости и щедротахъ! Но нѣтъ, всемилостивѣйшій Государь, я не столько легковѣренъ, робокъ и простъ, чтобъ несчастной мой жребій могъ почитать точнымъ удѣломъ священнаго правосудія, или, какъ увѣрить хотять, что на жестокость поступковъ съ несчастными сынами Отечества остававшимся во власти непріятели съ занятіемъ его столицы Москвы есть высочайшая воля В. И. В., и будто политическія дѣла того требуютъ. Нѣтъ! я не вѣрю оному: Монархъ, который въ особѣ своей представляетъ образъ божества, Монархъ, котораго и враги Отечества во время пребыванія своего въ столицѣ Москвѣ называли вѣнценоснымъ Ангеломъ, утѣшить огорченную душу къ вѣчной славѣ своего имени.

Никакого сомнѣнія не имѣю, что истина несчастныхъ и страшныхъ происшествій въ столицѣ Москвѣ отъ В. И. В. сокрыта, или о сихъ происшествіяхъ не такъ доложено; но смѣю сказать, что В. И. В.—у

измѣнниковъ не было; я по крайней мѣрѣ таковыхъ не знаю, да и не знаю, въ чемъ измѣну полагають. Какой Россіянинъ предпочтетъ кроткое самодержавіе законнаго своего Государя, любимаго всѣми народами монарха Александра, потомка Петра I-го, внука Екатерины II, и содѣляется рабомъ пришельца?

1-е) Согласно положенію Государственнаго Совѣта, который заключилъ, что я невиненъ, разрѣшилъ мнѣ право на службу и даже ношеніе бронзовой медали въ воспоминаніе 1812 г. высочайше повелѣть опредѣлить меня къ должности чину моему соотвѣтственной въ столицѣ Москвѣ. Такимъ образомъ честь и имя мое останутся безъ пятна.

2-е) Удостойте, всемилостивѣйшій Государь, и мнѣ быть участникомъ въ высокомонаршихъ щедротахъ вашихъ, высочайше повелѣвъ, по примѣру другимъ, сдѣлать и мнѣ денежное вспомоцествованіе за потерю моего имущества. Хотя потери мои не чрезвычайны и не простираются свыше 20 т. рублей, однакожъ оное составляло все мое состояніе и, пожертвовавъ онымъ, Отечество имѣетъ истинную и видимую пользу. Пять лѣтъ уже, что, лишившись моего достоянія, терплю съ семействомъ крайнюю нужду и въ жизненныхъ потребностяхъ, снискивая себѣ пропитаніе займомъ отъ людей, кои, примаю въ горестномъ положеніи моемъ участіе, дѣлають мнѣ кредитъ, и по сіе время задолжалъ я около 10 т. рублей, и въ сихъ неоплатныхъ моихъ долгахъ, не взирая что пожертвовалъ имуществомъ моимъ на пользу Отечества, долженъ буду кончить дни жизни своей въ тюремномъ содержаніи.

Москва, Декабря 13 дня 1817.

2.

Богъ свидѣтель, всемилостивѣйшій Государь, что я никогда и въ помысленіи не имѣлъ нарушить данной мною клятвы, но всегда служилъ *В. И. В.* по правдѣ, не щадя живота моего, и никакая клевета опорочить службы моей не можетъ; однакожъ усердіе мое не только не имѣетъ награды, но, напротивъ, еще вверженъ въ самыя горестнѣйшія несчастія, вопреки милосерднаго сердца *В. И. В.*

Въ началѣ 1811 года послѣдовало высочайшее *В. И. В.* разрѣшеніе объявленное мнѣ г. тайнымъ совѣтникомъ Молчановымъ, касательно позволенія вступить въ отечественную службу. Я старался имѣть оную подъ вѣдомствомъ г. министра юстиціи Дмитріева и 2 Маія 1812 года по указу Правительствующаго Сената опредѣленъ членомъ вотчиннаго департамента что въ Москвѣ; а въ концѣ тогожъ Маія вступилъ и въ отправленіе моей должности.—2-го Сентября 1812 года непріятель вторгся въ столицу Москву. Я безстрашно сохранялъ мѣсто

свое, ибо не имѣлъ ни отъ какого начальства повелѣнія оставить онаго; самъ собою разрѣшить клятвы при угрожаемой опасности я не думалъ быть въ правѣ; и въ какоежъ время могъ я лутче оказать преданность мою къ престолу *В. И. В.* и истинную любовь къ Отечеству, какъ не въ сіе время страха; и потому, хотя и слышалъ о всѣхъ жестокостяхъ непріятеля съ побѣжденными, однакожъ рѣшился всѣмъ жертвовать и старался сохранить дѣла надзору моему вверенныя, оставшіяся во власти у непріятеля.—Сии дѣла суть драгоцѣнности, *В. Г.* ибо по онымъ производятся справки, и они разрѣшаютъ распри между вѣрно-подданныхъ вамъ по тяжбынымъ дѣламъ въ разсужденіи недвижимой собственности. Плоды усердія моего видимы, ибо сей вотчинной департаментъ существуетъ, и дѣла въ ономъ по прежнему производятся.— Я при семъ осмѣливаюсь приложить копію съ донесенія моего г. министру юстиціи о происшествіяхъ, касательно сего департамента. Не смѣю разпространяться о тѣхъ ужасахъ, которымъ я былъ свидѣтель, ибо милосердное сердце *В. И. В.* не останется равнодушно и содрогнется о моихъ претерпѣніяхъ.

Во время пребыванія врага въ столицѣ Москвѣ, я ни въ какомъ смыслѣ не нарушилъ присяги моей *В. И. В.*, какъ законному моему Государю, въ разсужденіи вѣрности, ибо другому государю не присягалъ, да и къ оному не былъ приневоливанъ; а напротивъ еще, ходилъ въ храмъ Божій и преклонялъ колѣна предъ жертвенникомъ Всевышняго Существа, молилъ о низпосланіи благоденствія *В. И. В.* и всего Августѣйшаго вашего дома. Засѣданіемъ же въ учрежденномъ Мюнисипалитетѣ или Отечественномъ Градскомъ Правленіи я могъ только быть полезенъ несчастнымъ моимъ соотечественникамъ оставшимся на жертву врага. Объ ономъ свидѣтельствуется данная сему Мюнисипалитету инструкція.

Дворянскаго моего достоинства и чина императорскаго Россійскаго надворнаго совѣтника я не унижилъ; ибо врагамъ не рубилъ дровъ, не носилъ имъ воды, и ни въ какія услуги употребленъ не былъ, но напротивъ еще твердость духа, съ которымъ я исполнялъ долгъ присяги моей *В. И. В.*, заставила и ихъ имѣть ко мнѣ уваженіе. Я, лишившись всей моей собственности, спасъ однакожъ чужой домъ отъ огня и совершеннаго разграбленія, въ которомъ потомъ и жилъ, охранялъ въ ономъ и кормилъ 78 человекъ несчастныхъ согражданъ моихъ, кромѣ особо еще приходящихъ и требующихъ пищи. Я самъ, и семейство мое, малолѣтныя дѣти голодали, но отдавалъ послѣдній кусокъ. Французскій маршалъ герцогъ Тревизо, бывшій въ то время главнокомандующій въ Москвѣ, не былъ равнодушенъ къ потерямъ и усердію мною оказываемому на пользу Отечества, и, видя въ нищенскомъ меня

одбѣнїи, желалъ вознаградить сіи потери золотомъ и платьемъ, но я отвергнулъ дары его; ибо потери мои въ такое время есть дань любезному Отечеству, которому я обязанъ даже и воспитаніемъ моимъ.

Московская полиція, возвратившаяся паки въ столицу 11 дней спустя по выходѣ непріятеля и вступя въ отправленіе должности своей, очищая городъ нашла въ колодцахъ, въ погребахъ, въ прудахъ и въ другихъ тайныхъ мѣстахъ до 12 тысячъ тѣлъ убитыхъ непріятельскихъ. Она торжественно услуги свои отечеству объявила, въ отысканіи, въ сожженіи или похороненіи оныхъ; и чиновники ея отъ высочайшихъ щедротъ *В. И. В.* достойно награждены; но, *В. Г.*, дерзаю спросить: *Кто жь умалилъ силы вражїя въ первопрестольномъ градѣ Москвѣ?* Всеконечно не тѣ были герои, которые возвратились въ столицу по выходѣ врага; не тѣ были мстители за Отечество, которые называютъ себя *вѣрными сынами Отечества*, но оставили однакожъ Отечество во время представшей ему гибели. Иные кинули на жертву врагу и престарѣлыхъ родителей своихъ, жену и малолѣтнихъ дѣтей, чтобъ спасти себя одного. Всеконечно не сіи люди, *В. Г.*, умалили силы вражїя въ первопрестольномъ нашемъ градѣ, и первой шагъ сдѣлали къ безсмертной славѣ Отечества нашего и освобожденію Европы отъ ига; но сіе учинили мы, мы остававшіеся на жертву врага. Мы не похороняли убитыхъ тѣлъ враговъ своихъ, и ихъ даже не бранили словами, но будучи наги, босы, обезоруженные, ослабѣвшіе отъ голода, сильны однакожъ еще приверженностію къ престолу *В. И. В.* яко законному Государю нашему и пылая любовію къ погибающему Отечеству, мы съ величайшею опасностію собственной жизни своей приносили оныхъ на жертву оскорбленной родинѣ нашей. И въ огородѣ того дома, въ которомъ жилъ, нѣсколько было сихъ жертвъ. Я самъ собою не обагривъ въ крови враговъ рукъ своихъ, но кормивъ и защищаль тѣхъ, кои содѣлывали себя орудіемъ сего отечественнаго мщенія. Я не ищу награды, *В. Г.*, ниже въ потеряхъ моихъ вознагражденія, ибо мною содѣянное есть, долгъ всякаго вѣрноподаннаго *В. И. В.* и любящаго свое Отечество; но не желаю однакожъ, чтобъ соотечественники мои послѣ всѣхъ таковыхъ ужасныхъ происшествій поступали со мною злѣе, нежели сами враги наши; ибо многіе смѣютъ искать измѣны въ видимомъ усердіи.

Второй уже годъ на исходѣ, *В. Г.*, что я терплю ужасное истязаніе. Семейство мое, видѣвшее всѣ ужасы нашествїя врага потому только что я хотѣлъ исполнить долгъ присяги моей, теперь въ самой крайней пищетѣ со мною находится, и среди своихъ соотечественниковъ терпитъ голодъ, стоная приближается къ смерти. Я, лишившись всей собственности отъ пожара и расхищенія непріятельскаго, два года уже не получаю

ни высочайшаго положеннаго мнѣ по смерти пенсіона, ниже по мѣсту моему жалованья, и мѣсто мое, какъ слышу, отъ меня отнято въ замѣну заслуженной награды и отдано уже другому, но на отставку мою по сию пору я никакого законнаго вида не имѣю, а только выѣздъ мнѣ изъ Москвы запрещенъ, и я не могу разстроенныхъ дѣлъ моихъ привести въ порядокъ. То достояніе, которое бы я могъ имѣть избѣгшее отъ разоренія и похищенія врага, по указу Правительствующаго Сената 1-го департамента повсемѣстно арестовано, въ согласность предложенія г. министра юстиціи оному, будто бы я не отдалъ отчету въ казенной суммѣ въ вѣдѣніи моемъ находящейся; но въ послѣдствіи времени г. министръ юстиціи узналъ, что я въ вѣдѣніи моемъ никакой суммы казнѣ принадлежащей не имѣлъ, а что самая малая часть оной осталась въ рукахъ моихъ, то потому только что чиновники бѣжали отъ должностей своихъ, не отдавъ отчету въ оной, и первопришедшій въ комнаты вотчиннаго департамента могъ бы сею суммою воспользоваться, и тогда бы уже по всей справедливости долженъ былъ за оную отвѣтствовать, какъ остававшійся начальникъ, не пренебрегшій долгъ присяги; но я оною не покорыствовался, и сія сумма недостаточна усыпить совѣсть мою, еслибъ къ несчастію имѣлъ я ее сонливою. Правда, что я не содержался, *В. Г.*, тринадцать недѣль въ тюрьмѣ, какъ другіе мои сотоварищи несчастія, кои употребили себя на пользу соотечественниковъ своихъ, во время страшнаго нашествія; я не вымѣталъ улицы, какъ сіи же мои сотоварищи, въ класныхъ чинахъ Россійской Имперіи состоящіе, не закономъ еще къ тому осудимые, но взошедшею полиціею самопроизвольно къ сему приневоленные; однакожь на мнѣ совершена другого рода жестокость: мнѣ не позволено было выѣхать изъ Москвы и на 8 дней, чтобъ проститься съ отходившимъ отъ сего свѣта тритцатисемилѣтнимъ моимъ благодѣтелемъ и искреннѣйшимъ другомъ графомъ Бобринскимъ. Я умолялъ главнокомандующаго въ Москвѣ, показывалъ ему письма съ нарочнымъ мною полученныя, въ которыхъ покойника послѣднее желаніе было чтобъ со мною увидиться еще разъ; но графъ Растопчинъ мнѣ самымъ суровымъ образомъ въ семъ утѣшеніи отказалъ, и въ сей жестокости смѣлъ употребить высочайшую будто *В. И. В.* волю. Двѣ недѣли потомъ графъ Бобринской умеръ.

Въ сихъ горестныхъ обстоятельствахъ дерзаю повергнуть себя къ стопамъ *В. И. В.* Удстой, *В. Г.*, подъ благословеннымъ царствованіемъ своимъ и мнѣ дни проводить спокойно и безбѣдственно и окажите высочайшее ваше правосудіе.

25 Іюня 1814. Москва.

